

Сегодня открывается XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), великой партии Ленина—Сталина

МАРТ
10
ПЯТНИЦА
1939 год
№ 14 (793)
Цена 30 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Восемнадцатому съезду Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

Весь мир в эти дни будет слушать вместе с нами голос Сталина, голос героической партии большевиков.

На человечество, живущее в капиталистических странах, обрушилась низменная жестокость трусливых зверей фашизма. В фашизме сосредоточена вся кровавая грязь буржуазного мира. Храбрость фашизма состоит в массовом истреблении детей. Разум враждебен убийцам, и поэтому фашисты провозглашают смерть науке, смерти искусству, смерти интеллигенции.

Фашизм — это война, подготовка похода всех реакционных сил против СССР.

Человечество, живущее в странах капитализма, познало за последнее время с особой силой пороки капитализма, руководимого партией, которая не знает, не знает и не будет знать капитализма, который не страшен никаким грозам и бурям, которая живет и работает только для счастья человечества.

Мы, писатели народов Советского Союза, с радостью и гордым подъемом приветствуем XVIII съезд победоносной партии большевиков, съезд, который выработает конкретный план перехода нашей страны от социализма к коммунизму.

Во всей работе партии большевиков бьется вечно живое могучее сердце нашего народа, всего передового человечества, — тех титанических людей, которых человечество родило на протяжении веков, — мужественных, негибавших борцов, великих мечтателей, гениев науки и искусства.

Радостно знать, что их усилия, их страдания, кровь, пролитая ими, не пропади даром, что осуществляется мечта лучших людей — о счастье и справедливости, о жизни, в которой труд станет для каждого увлекательным творчеством, когда будут удовлетворены все потребности человека, и каждый будет талантливым, великодушным и сильным, — мечта о коммунизме!

Для торжества коммунизма нужно преодолеть еще немало трудностей. Оно придет, как результат героической, смелой и радостной работы всех партийных и непартийных большевиков, как результат повышения бдительности всего народа, как результат непримиримой борьбы с предателями и дворянскими, наемными убийцами, агентами фашизма.

Мы, писатели, принадлежим к тому отряду советской интеллигенции, который в первую очередь призван помогать партии в деле коммунистического воспитания людей.

Мы живем в стране, в которой миллионная армия интеллигенции непрерывно пополняется и растет, в которой весь народ становится интеллигентным, в которой поставлена задача поднять уровень всего рабочего класса до уровня инженерно-технических работников. Страна хочет, чтобы каждый труженик был передовым, культурным деятелем,

чтобы вместо десятков и сотен тысяч стахановцев у нас были десятки миллионов стахановцев во всех областях труда, чтобы у каждого гражданина страны был материальный достаток, чтобы жизнь стала еще радостней для всех, чтобы достижения мировой культуры стали достоянием каждого.

Какая великолепная литература, какое величественное, и мудрое, и страстное искусство нужны этой стране!

В день открытия съезда мы, как и все советские люди, сравниваем сделанное нами с тем, что нужно сделать.

Мы гордимся теми работами наших товарищей, которые стали нужными и дорогими многим труженикам в нашей стране и за ее пределами. Мы радуемся тому, что много разнообразных и ярких писательских дарований выдвинули на родину Союза, мы гордимся тем, что работам для советской литературы, которую мы любим, достоинство которой мы будем беречь и впрок.

Но мы хотим, чтобы наша литература гораздо глубже и полнее отражала всю жизнь страны, со всеми ее победами и трудностями, с перспективой ее завтрашнего дня.

Мы хотим писать такие книги, прочитав которые каждый труженик в стране победившего социализма захотел бы работать лучше, умнее, работать всей силой души.

Мы хотим писать такие книги, в которых образ ясного и определенного, смелого и мудрого, преданного до конца народу и ненавидящего врагов народа, человека ленинско-сталинского типа увлекал людей, усиливая в них желание быть такими, как Ленин, такими, как Сталин.

Мы хотим, чтобы наша литература выражала идеи коммунизма в безупречной художественной форме, чтобы больше было радостных находок в области темы, образа, сюжета, чтобы каждый советский писатель чувствовал себя и продолжателем великих классических традиций, и смелым новатором, прокладывающим новые пути. Советский писатель должен жить всеми вопросами, которыми живут миллионы, работать для миллионов, осмысливать каждый свой образ с точки зрения коммунизма, в совершенстве владеть передовой наукой своего времени — теорией марксизма-ленинизма.

Мы хотим, чтобы наша литература была оружием в борьбе с врагами передового человечества, чтобы она разоблачала их перед всем миром. Мы хотим, чтобы наша литература в страстных памфлетах, в грозной сатире притягивала к позорному столбу трусов, политических обывателей, людей неясного, неопределенного типа, самодовольных и успокоенных людей, консерваторов, которым неважно все новое, которым чуждо ленинско-сталинское, постоянное, непрерывное, гордое устремление вперед, к непрестанному творчеству новых форм жизни.

Да, мы хотим, чтобы литература, которую мы делаем, была поистине достойна своего времени и нужна партии Ленина—Сталина.

Товарищи, делегаты XVIII съезда! Для советского писателя нет ничего более великого и святого, чем бороться со своим пером, и всею своей жизнью, за дело партии, за осуществление тех решений, которые будут приняты открывающимся съездом.

Разрешите поздравить вас плодотворной работы под руководством гениального Сталина!

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ ПОЭТА Т. Г. ШЕВЧЕНКО
В СВЯЗИ С 125-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ.

В связи с 125-летием со дня рождения Т. Г. Шевченко для увековечения памяти поэта:

1. Присвоить имя Т. Г. Шевченко Государственному Ордену Ленина Киевскому академическому театру оперы и балета.
2. Присвоить имя Т. Г. Шевченко Государственному Киевскому университету.
3. Совету Народных Комиссаров СССР установить две стипендии имени Т. Г. Шевченко в Ленинградской Академии Художеств.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 5 марта 1939 г.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

За выдающиеся успехи и достижения в области развития советской художественной литературы наградить:

Орденом Трудового Красного Знамени

1. Искренне Иван Антонович. 2. Ле Иван Леонтьевич.

Орденом «ЗНАК ПОЧЕТА»

1. Досиан Алексей Игнатьевич. 4. Тарлова Михаил Семенович.
2. Мальшич Андрей Самойлович. 5. Иваненко Окану Дмитриевич.
3. Миронец Марко Павлович. 6. Сосюра Владимир Николаевич.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 5 марта 1939 года.

ЦИДЕН ГАЛСАНОВ

СТАЛИН-БАТОР

Есть гора в моей стране,
До вершины той горы
Не взлетит — счастья мне —
Даже мощные оры!

В синем небе серебром
Блещет пик ее крутой.
Свистит ветер, бродит гром
По снегам вершин той.

Окружил ее бока
Облаков прозрачных рой.
Очень низка облака
По сравнению с той горой!

И буряты с давних пор
Говорят любими так:
— Нет во всей азиатской гор
Выше Мунго Сарылак!

Но увидел мой народ,
Что вершина выше есть:
Эта Батор, что ведет
К счастью край бурятский весь.

В солнечной стране моей
Люди озером горды:
Ярче синевы морей
Чистый блеск его воды.

Глубока его вода!
До таинственного дна
Не спускался никогда
Даже рыба ни одна.

Вытекает Ангара
Из безбрежных светлых вод.
В бурный день волны гора
Мчит, как шепка, парок.

В день спокойный, вижу я,
Где ясна и широка:
Блещет, будто чешуя,
Голубеет, как шелка.

Испокон веку скал
Озеро окружено
И зовут его — Байкал.
Больше всех озер оно!

Но увидел мой народ,
Что и глубже и мощней
Батор тот, что нас ведет
На простор счастливых дней.

И уловил дружный хор
Славу Батору поэт:
— Этот Батор выше гор,
Глубже он байкальских вод!

Точно знаю, он в бою!
Он нам счастье дал и мощь!
Так о Баторе поют.
Этот Батор — Сталин вождь!

Перевел с бурят-монгольского
Ник. ПАНОВ.



Плакаты художника Н. Жукова, выпущенные государственным издательством «Искусство» к XVIII съезду ВКП(б).

Великий день

Приятно и радостно ощущать в себе
самом, как ровно и мощно бьется сердце
страны. Прекрасно и величаво время,
в строю которого так ладно и крепко стоят
настоящие люди.

Сейчас под Киевом воды Днепра ломают
лед. Немного дней, и вынется вперед
могучая река.

Чуден Киев — славный город — столица
древней Руси и Советской Украины.
Соборы сейчас в Киеве люди, сгущаясь
со всех сторон советской земли на великий
народный праздник.

Добрый словом помянул Тараса Григорьевича Шевченко, добрую чару поднял
за светлую память великого поэта и художника.

И, сила в кругу друзей, начали задушевный
разговор. Вспоминали бои минувшие дни и битвы,
где вместе и рядом рубились с врагами.

Вспоминали украинцев времена, когда на
помощь ему, как на зов Тараса, торопились
русские полки.

Рассказывали русский, как под Грюнвальдом
в 1410 году ударили на татаро-литовских
рыцарей русские смоленские, белорусские
и украинские отряды, как в кровавой
сече были врагов по чей ни пошла — и в хвост, и в гриву.

А вернулась речь к сегодняшним дням,
еще ярче загорелись глаза товарищей,
сдвинулись они ближе, прислонились плечом
к плечу. За свободу и счастье народов,
за родину, за Сталина, за коммунизм
многие из них пролили свою, непотопляемую
даром, кровь.

Замечательно жить в нашей стране, радостно
работать и творить, зная, что зовет нас по имени
всяк сущий в ней язык. Великий Руставели
становится любимым поэтом белоруссии и Украины,
перед Тарасом Шевченко складывают головы
грузинский народ. В Москве зачитывают наизусть
стихи Миколы Байана и Павла Тычины, в
Казахстане зачитываются Пушкиным и Шолоховым,
дунганский поэт Ясир Шаваза переводит Шевченко
и Лермонтова, Янку Купала слышно по всей стране.

Создается поистине интернациональная
культура великого советского народа.

В числе делегатов, избранных партийными
организациями на XVIII съезд Всесоюзной
коммунистической партии большевиков, —
несколько писателей.

Московские большевики выбрали на XVIII
съезд ВКП(б) писателя Александра Фадеева.

Герои Советского Союза Михаил Водопьянов
и Георгий Байдуков — делегаты съезда —
также являются членами союза советских писателей.

Большевики Ленинграда послали на съезд
поэта Александра Прокофьева. В числе делегатов
XVIII съезда от Ростовской области — писатель Михаил Шолохов.

Мы широко глядим вперед, в прекрасное
и близкое завтра. Страна рвется вперед, и
ближайшую свою задачу — задачу коммунистического
воспитания человека. Солнце коммунизма
созревает нас.

И мы уже видим не контуры, не черт
этого огромного здания. Величественный
дворец коммунизма на наших глазах
освобождается от лесов.

В злостном искупе восток вокруг крапленые
свастикой гены фашизма. Но расцвет близок.
Ночные хищники знают, что их двенадцатый час
недалек. Границы Союза на крепком замке.

Сегодня наполнится народом огромный зал
съезда. Словно ветер по вершинам деревьев,
пройдет человеческий говор, стихнет и навсегда
останется в памяти людей наступившая тишина.

На трибуну взойдет вождь народов великий Сталин, и будут стены дрожать
от бум и грома сыпавшего привета, и через
границы, горы, моря, по всему свету
разнесутся раскаты этого грома, как предвестники
освещающей мир грозы.

Как ясно мы видим и слышим все это. Советский
народ собран сейчас, накануне XVIII съезда
партии, в единый, боевой, готовый к любым
боям, передовой отряд человечества. Морально-политическое
единство народа и нечуждая дружба народов
нашей страны окружает доверием и любовью
партию Ленина—Сталина.

В торжественный день открытия съезда мы
передаем ей от разума и сердца наших народов,
от тех, кому мы служим художественным словом,
— дружный привет.

П. Антокольский, Н. Ахунди, В. Вишневский, Р. Григорьев, П. Павленко, А. Корнейчук, П. Тычина, С. Панч, М. Бажан, Ю. Яновский, С. Головановский, Л. Первомайский, И. Прут, Х. Пулат, Я. Купала, Я. Колас, М. Лыньков, З. Бялуля, А. Мухомов, С. Зули, С. Чиковани, Б. Жгенти, К. Бобохидзе, Г. Абов, В. Сираз, Л. Миназьян, М. Маргарян, В. Терзибашян, Рафили.

МАЯК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Иностранные писатели о тезисах доклада товарища Молотова

Когда читаешь тезисы доклада Молотова о третьей пятилетке, перед взором предстает всеобъемлющая картина строительства социалистического общества.

В строках этого документа, столь богатых по содержанию, — при всей своей краткости — ощущается творческую силу освобожденного человечества. При чтении тезисов я испытывал волнение и гордость, словно я сам гражданин Советского Союза.

Одна из наиболее замечательных особенностей тезисов — то, что показывая великие достижения двух прошедших пятилеток, тезисы открыто говорят о трудностях задач, которые предстоит преодолеть. Это меня порадовало, это уличает клеветников, подобных Андре Жику.

Как писатель я особенно был удовлетворен той частью плана, где идет речь о дальнейшем росте культуры. И, конечно, того и ожидал.

Я предлагаю удачное выполнение плана, что является новым гигантским шагом советского общества на пути к полной победе коммунизма.

У нас, в Западной Европе, где угроза фашизма все усиливается, мы нуждаемся в моральной поддержке. И мы знаем, что в трудную минуту мы почерпнем новую силу, обратив взор к Советскому Союзу. Третья пятилетка — новый советский маяк, посылающий свет всему миру.

ДЖЕК ЛИНДСЕЙ (Англия)

С глубоким интересом я прочел тезисы доклада товарища Молотова о третьей пятилетке. Это даже не гигантский, это — просто титанический план. Приведенные в нем цифры говорят не только о прогрессе социалистического государства по пути к коммунизму, но и о беспримерной дружбе между рабочими и крестьянами. Такое сотрудничество, являющееся плодом великой мудрости Сталина, — непременное условие прогресса и побед.

Я видел в СССР огромную гидроэлектростанцию, поднимающуюся над водами Днепра, и заводы в Москве, Ленинграде, Харькове, расцветающие в эту весну социалистического строительства. Я участвовал в демонстрации в ленинградскую годовщину Октябрьской революции, и я чувствовал движение гигантов, вступающих на защиту любимой страны от фашистских агрессоров. И я видел, как «Промпартия» была разбита наголову.

Но все то, что я видел, бледнеет перед достижениями последних десяти лет, — Боморско-Балтийский канал, канал Москва—Волга, Магнитострой. Но разве мне нужно перечислять все то, что было построено в первые двадцать лет Советской власти, перед лицом открыто выраженных угроз германского, итальянского и японского фашизма.

Тезисы товарища Молотова прозвучат на съезде как законченное целое. Они превратятся в план, который рабочие и крестьяне СССР перевыполнят.

«Превратить к концу третьей пятилетки Северный морской путь в нормально действующую водную магистраль, обеспечивающую плановую связь с Дальним Востоком».

Простые слова, но какая цель в них поставлена! Не достаточно ли одного этого, чтобы возмужать человека, который очень далек от романтики? Сам по себе этот тезис уже является планом, а стоит он почти последним в списке проектов, от которых буквально захватывает дыхание.

Я мог бы продолжать без конца перечислять тезисы. Величественное здание социализма построено в СССР — это безусловно так. Социализм, о котором мечтали мы и наши отцы, строится партией Ленина—Сталина под блестящим руководством Иосифа Сталина.

ГАРОЛЬД ХЕЗЛОП (Англия)

Я прочитал тезисы доклада В. Молотова о третьей пятилетке — плане развития народного хозяйства СССР.

Что я думаю об этом гигантском строительстве, этом подлинно титаническом труде, самое описание которого уже производит глубокое впечатление? Трудно человеку, которому еще не пришлось побывать в СССР, ответить так, как того заслуживает вопрос. Но я могу сказать одно: я твердо убежден (и в этом я черпаю бодрость), что результаты первых двух пятилетних планов в СССР прочны и нерушимы, тогда как дело фашистских правителей представляется мне лишь картонным домиком, который рассыплется от первого толчка.

ФРАНС ЭЛЛЕНС (Бельгия)

Торжественное заседание памяти Шевченко

Вчера вечером в Колонном зале Дома Союзов состоялось торжественное заседание, созванное Академией наук СССР, союзом советских писателей и Всесоюзным комитетом по делам искусств по поводу 125-летия со дня рождения великого народного поэта-революционера — Тараса Григорьевича Шевченко.

Подробный отчет о торжественном заседании будет напечатан в следующем номере нашей газеты.

К открытию XVIII съезда ВКП(б).

ЦК ВКП(б) извещает делегатов XVIII съезда, что открытие съезда состоится 10 марта, в 5 часов вечера в Большом зале Кремлевского дворца.

A black and white photograph showing a large crowd of people gathered in front of a statue. The statue is of a man in a suit, standing on a tall, rectangular pedestal. The crowd is dense, filling the foreground and middle ground. In the background, there is a building with a sign that reads "ГОСУДАРСТВЕННЫЙ" (State). The overall scene suggests a public event or a significant gathering.

2

125-летие со дня рождения Тараса Шевченко

ДОКЛАД тов. А. КОРНЕЙЧУКА

НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЮБИЛЕЙНОМ ЗАСЕДАНИИ В КИЕВСКОМ ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ 6 МАРТА

Товарищи! Сегодня свободная, счастливая Советская Украина и все народы нашей великой родины отмечают 125-летие со дня рождения гениального сына украинского народа Тараса Григорьевича Шевченко. На этот всенародный праздник приехали гости, выдающиеся представители интеллигенции, выдающиеся мастера социалистического труда. Они приехали в столицу Советской Украины, чтобы вместе с украинским народом почтить светлую память великого поэта, революционера-демократа — Тараса Шевченко.

В 1937 году весь 170-миллионный советский народ отмечал светлую память великого русского поэта А. С. Пушкина. В минувшем году мы отмечали 750-летие гениального творения грузинского поэта Шота Руставели.

Никогда, ни в одну эпоху и ни в одной стране за пределами Советского Союза не любили и не почитали так выдающихся деятелей — борцов за светлые идеалы человечества, борцов за гуманизм, за перековку, прогрессивную культуру.

Нашим день знаменителен еще и тем, что мы собрались на великий праздник украинского народа вместе с представителями всех братских народов нашей родины; собрались в то время, когда в фашистских странах — Германии, Италии и Японии уничтожаются достижения человеческой культуры. Варвары двадцатого столетия в Берлине, Риме сожгли книги и разбили статуи гениальных поэтов, ученых, прогрессивных деятелей, людей, которые являлись гордостью немецкого и итальянского народов.

Варвары двадцатого столетия, уничтожая культуру в своих странах, истребляют культуру и других народов. Это они подвергают бомбардировке памятники культуры в Испании, убивают женщин и детей. Это они обращают в развалины памятники тысячелетней культуры Китая, уничтожают японскими, германскими и итальянскими бомбовозами беззащитное население в городах и селах.

Только в стране Советов, где в 1917 году, под руководством великой партии Ленина — Сталина, была свергнута власть буржуазии, помещиков и фабрикантов, — только у нас, на одной шестой земного шара, бурно расцветала социалистическая культура, культура всего советского народа, являющаяся вместе с тем полновесной общечеловеческой культурой. Она свободна от идеализма, метафизики, пошлости. Социалистическая культура служит великим идеалам Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Свободный советский народ стал единственным властителем и наследником всех достижений и ценностей передовой, прогрессивной культуры минувших эпох. Вот почему все народы Советского Союза относятся с глубокой любовью и уважением к пламенным борцам, которые в темную зловещую ночь парского произвола поднимали знамя борьбы, возвышали свой голос в защиту трудового, обездоленного народа от крепостников, парских погромщиков, жестоких деспотов.

Таким пламенным борцом, революционером-демократом был великий поэт украинского народа Тарас Шевченко. Это он вместе с великими русскими революционерами Гершелем, Чернышевским, Добролюбовым звал народ на борьбу с самодержавием, превратившим Россию в тюрьму народов.

Гневное слово Шевченко звало народ на бой против паризма, против панов украинских, польских, русских.

... Вставайте, Гайдаки порвите
И вражью аду кровью
Волю окропите...

Шевченко ненавидел украинских панов — либералов, националистов, которые стремились оторвать гениального поэта от передовых представителей русского народа.

В то время, когда украинские паны-либералы — Кулиши, Мартосы и другие — предавали свой народ и были верноподданниками лакеями паризма, — великие русские демократы поднимали свой голос за свободу украинского народа, его культуру, его язык.

Думы народа, его чаяния и стремления поддерживали в поэте жгучий огонь, не угасавший в его душе от юных лет и до последних минут тяжелой жизни поэта.

Сын крепостного, еще ребенком видел он в родной Кирилловке, бывшего Звенигородского уезда, каждодневную «неволю, роботу тяжкую», видел, как мать, «не молодую — у мотулы нудна та праця пожежана», как отец «не витерших лихот долі, умер на панщині, браття же — на панщину хотіли, поки добі йи погнали».

Много извечательств пришлось испытать мальчику у помещика Ангелгарта. Но ни угрозы помещика, ни розги конюхов, которые секли его по приказу Ангелгарта, — ничто не могло сломить непокорного молодого Тараса. Имея склонность к рисованию, Тарас, сопровождаемый в качестве «казачка» пана Ангелгарта, каждую свободную минуту посвящал любимому занятию. Когда Ангелгарт увидел большую озорность своего казачка, он решил закончить его в Петербурге на 4 года у «красных живописцев-дядь мастеров» Шарьяна, чтобы иметь впоследствии своего дворового художника. Шевченко было в ту пору 18 лет.

У Шарьяна Шевченко приходилось выполнять различные малярные работы. И о самом Шарьяне Шевченко вспоминает как о деспоте.

В свободное время, по ночам, Шевченко ходил в летний сад, срисовывал статуи. Там он встретился с известным художником Иваном Сошенко. При помощи Сошенко он познакомился с выдающимися деятелями русской культуры: Григорьевым, Жуковским, Венцановым, Брюловым, которые высоко оценили художественный талант Шевченко и начали хлопотать о его освобождении из крепостной неволи. За свободу поэта помещик требовал две с половиной тысячи рублей. Брюлов написал портрет Жуковского. Этот портрет разглядели в частной лавочке, и 22 апреля 1838 года выкупили Шев-

ченко на волю. «Общество поощрения художеств» зачислило Тараса Григорьевича на стипендию. Вскоре он стал одним из любимых учеников и товарищей Брюлова. В богатейшей библиотеке своего учителя Шевченко знакомится с произведениями Пушкина, Гомера, Шиллера, Байрона — Скотта и других известных писателей, изучает историю Греции и историю Украины. Он слушает курсы наук — зоологии, физики, физиологии, изучает французский язык, посещает театры.

Еще у Шарьяна Шевченко начал свои первые литературные опыты на украинском и русском языках. В 1840 году выходит из печати знаменитый шевченковский «Кобзарь», в конце 1841 года издается героическая поэма «Гайдамаки». Поэт пишет «Мар'яну-черницю», «Утоплени», «Примирену» («Рече та стогне Дніпр широкий»). Поэт работает над русской драмой «Слепая красавица», а в 1842 году в журнале «Маяк» появляются отрывки из драмы, написанной по-русски, «Никита Гайдай». Тогда же Шевченко работает над русскими поэмами «Слепая», «Тризна».

В начале 40-х годов мы видим Шевченко в кругу передовых деятелей русской культуры.

В 1843 году поэт возвращается на Украину. Он едет на Киевчину, Черниговчину, Полтавину и на каждом шагу видит разгул барского произвола. Грустные картины встали перед поэтом. Шевченко видел на каждом шагу бесправие и нищету крестьянства, измучившего под тяжким гнетом крепостничества.

Он глян: у тім раї, що ти покидаєш,
Латану свитину з калізи знайомих,
З шкурою знімають, — бо нічим обуть
Княжат недорослих. А он розпинають
Всюду за подушине; а сина кують,
Єдиного сина, єдину дитину,
Єдину надію! — у війсьско одяють!
Бо його, бач, трохи! А онце під тиним
Опудка дитина — голодне мре,
А мати шпешню на панщині жне...

В 1844—45 годах Шевченко сближается с участниками кружка Петрашевского. Их социально-утопические идеи и оппозиционное отношение к самодержавию, к крепостничеству были близки Шевченко.

В 1845 году, в марте, Шевченко заканчивает обучение в Петербургской Академии художеств. Совет Академии «удостоил» его звания неклассного художника, и по просьбе поэта, 25 марта он был откомандирован на Украину «для художественных занятий».

Поэт поехал в родные места — на Звенигородчину. В 1845 году на Украине он пишет свои замечательные, полные революционного пафоса произведения: «Ерлик» («Иван Гусь»), «Сайши», «Стоять в селі Суботин».

В селах Шевченко встречается с крестьянами, читает им отрывки своих произведений, пишет большую поэму «Кавказ». В этой поэме с грустной иронией портрет рисует долю народа в парской России.

А тюрем! а люд!.. Що й лічити!
Од мовданнина до фіна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденств'я!..

И это «благоденствие» Шевченко изображает в поэме «Кавказ», как кровавую колониальную политику паризма.

А слюза, а кров! напоїте!
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втиснуть
В слюзах удов'іх...

Имя поэта не сходит с уст народа. Шевченко почитают и любят за страстные и пламенные строки, которые признавали к борьбе за волю и человеческое счастье. В 1846 году в Киеве поэт встречается на литературных вечерах с членами Кирилло-Мефодиевского братства и сближается с его наиболее радикальными представителями.

По доносу студента Петрова о существовании в Киеве тайного общества, где не раз читались «противозакононы» стихи Шевченко, в которых «Малороссия» призывалась к восстанию, был получен приказ из Петербурга арестовать всех «братчиков» и Шевченко и немедленно доставить их в Петербург.

5 апреля 1847 года возле Киева жандармы арестовали Шевченко. И вот приговор:

«Художника Шевченко за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить радным в Оренбургский отдельный корпус, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений».

На этом решении Николай I собственноручно добавил: «Под строжайшим надзором запрещением писать и рисовать».

Десять лет паризм держал Шевченко в ссылке, десять страшных лет, которые поворачивали здоровье поэта, но не сломали его волю. Независимо на запрещение писать и рисовать, Шевченко в изгнании нарушал «высочайший указ». Рисунки живописно, он пишет на русском языке повести: «Художник», «Музыкант», «Прогулка с удовольствием и без морали» и др. В последний год ссылки поэт начал свой знаменитый «Дневник».

В «Дневнике» Шевченко ярко показывает изгнание, горькую долю, какую пришлось ему испытать до дня во время пребывания в ссылке.

В «Дневнике» мы встречаем драгоценные строки, которые помогают нам полнее представить себе образ великого поэта, разобравшись в его философских и эстетических взглядах, в его отношении к господствовавшей крепостнической системе, к демократическим идеям, к выдающимся прогрессивным деятелям — поэтам и литераторам русского народа и народов Западной Европы.

Шевченко прекрасно понимал, что нация — это не дворянство, а народ. Он призывал художников отдавать свой талант только народу.

Если в поэтических произведениях Шевченко выступает как ярко выраженный реалист, то в своем мировоззрении он проявляет себя материалистом. Стихийный ма-

териализм Шевченко шел от его народности, от его знакомства с произведениями выдающихся демократов — Чернышевского, Добролюбова, Герцена, от знакомства с учением французских энциклопедистов.

Революционно-демократическое мировоззрение Шевченко, его идейная близость к великим русским революционерам-демократам — все это вызвало ненависть к Шевченко со стороны украинских националистов, панов-либералов.

Шевченко глубоко уважал и любил Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Шchedрина, Гоголя. Такое же теплое, любовное отношение было у Шевченко и к декабристам.

Какими жалкими кажутся нам попытки украинских националистов, пытавшихся в своих грязных писаниях оторвать Шевченко от его друзей — передовых людей русской культуры.

Мы не можем не вспомнить сегодня о том, как деятельно помогал выдающимся русским литераторам Тарасу Григорьевичу выкупить его родню из крепостной зависимости. Комитет «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» обратился с письмом к помещику, польскому магнату Флорковскому, крепостными которого были два брата и сестра великого украинского поэта.

Это письмо подписали Тургенев, Чернышевский, Анненков, известный хирург Пирогов и другие.

Чествуя светлую память нашего гениального поэта, мы с глубокой любовью и признательностью вспоминаем и отмечаем память великих друзей Тараса Григорьевича — передовых, прогрессивных представителей культуры великого русского народа. (Аплодисменты).

10 февраля 1858 года Шевченко получает разрешение вернуться в Петербург.

В Петербурге Шевченко сближается с «Современниками», вокруг которого объединились лучшие представители русской революционной демократии — Добролюбов, Некрасов, Чернышевский, Салтыков.

У Костомарова он встречается с Н. Г. Чернышевским и с знаменитым грузинским писателем Акимом Церетели. В своих воспоминаниях Церетели пишет:

«...Встреча осталась у меня светлым воспоминанием на всю мою жизнь. Признаться, я впервые понял на его слова, как нужно любить родину и свой народ».

В «Колоколе» Герцена было написано: «...Слышите ли вы, бедняки? Напрасны ваши надежды на меня, — говорит вам парь. На того же надеяться теперь? На помещиков? Но они вкупе с парем, а парь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на крепость рук своих, отточите топоры — и за дело...»

Шевченко, ознакомившись с этим письмом, также призывает народ точить топоры против паря:

...Добра не жди,
Не жди соиданної волі —
Вона заснула: пар Микола
І припав. А поб'удити
Хрену волю, треба миром
Громадою обух стати,
Та добре виготрує сокиру —
Та й захопиться вже будити.

Несколько времени спустя в «Колоколе» было помещено письмо Герцену от русских революционеров-демократов с призывом:

«К топору зовите Русь!»

Нужны ли еще комментарии к этой общности лозунгов Шевченко и великих революционных демократов?

В 1859 году Шевченко едет на Украину, но впереди поэта ждала курьерская приказом слезить за ним. В Петербург прибывает донос о том, что Шевченко, встретившись с народом, «...помимо богохульства говорил также, что не нужно ни паря, ни полов, ни панов».

В июле того же года поэта арестовывают и приказывают ему немедленно вернуться в Петербург.

Здесь Шевченко подготавливает к печати новое издание «Кобзаря». Революционные стихи Шевченко распространяются нелегально.

До последних дней своей жизни Шевченко призывал народ к свободе и борьбе с крепостничеством, самодержавным строем.

26 февраля (10 марта) 1861 года гениального поэта не стало. Его безвременная смерть была следствием ужасных условий жизни. Его убила паризм, подорвавший силы поэта тюрьмой, ссылкой, бесконечными жестокими притеснениями.

Вест о смерти великого кобзаря молнией облетела Петербург, Москву, Украину. Полония приняла все меры, чтобы не допустить демонстрации. И все же за гробом поэта шли толпы людей. На Смоленском кладбище над свежей могилой Шевченко прозвучали горячие речи, несмотря на присутствие больших парижских политиков.

Некрасов посвящает памяти Шевченко стихи, исполненные глубокой любви и уважения к великому украинскому поэту. В Лондоне, в герценовском «Колоколе», появляется теплый некролог на смерть Шевченко.

Долго велись переговоры о парижских типографах, пока, наконец, было выдано разрешение перевезти тело Шевченко на Украину, чтобы похоронить над Днепром, согласно завещанию поэта. Города и села встречали гроб Тараса Григорьевича Шевченко. Молодежь проносилась вдовольные речи, прощаясь с великим кобзарем. В Киеве студенты и крестьяне вымарили лошадей, вырвались сами в катафалк и со слезами на глазах везли гроб Шевченко. На Чернышю гору, поближе Канева, сходились крестьяне. Тысячи людей прощались с гениальным сыном украинского народа.

10 мая 1861 года прах поэта был похоронен на Чернышю горе. С тех пор не зарастала тропа к могиле Шевченко. Ни полицейские, ни жандармы — ничто не могло остановить тысячи и тысячи людей, которые ежегодно весной приходили на могилу поэта, приносили цветы, читали его бессмертные стихи.

Преследование Шевченко не прекратилось и после его смерти. Кто же замышлял от даровых сатрапов великого украинского

поэта, его поэтическое наследство, его светлую память? Его защищала партия Ленина — Сталина, партия рабочего класса. (Бурные аплодисменты).

Когда в 1914 году исполнилось сто лет со дня рождения Шевченко, парское правительство запретило чтить светлую память народного певца. И против этого запрещения резко выступил орган большевистской партии — «Правда».

Буржуазные националисты — Мартосы, Кулиши и жиды с ними искажали, фальсифицировали сочинения Шевченко и глубоко его ненавидели. Они действовали заодно с Пуришкевичами — с черносотенцами. Только большевистская партия, возглавляемая великим гением революции Лениным, защищала Шевченко от черносотенцев, от националистов, от всех тех, кто пытался позавистовать голос великого народного певца.

В своей статье «Критические заметки по национальному вопросу» Владимир Ильич Ленин писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть также же две культуры в украинцев...» (Ленин, том XVII, стр. 143).

Украинский народ знает так называемую «культуру» зоологических националистов — Петлюру, Боромовых, Винниченко, Лоповых, Шаповаловых — гноимых наймитов. И украинский народ знает свою полновесную культуру, связанную в первую очередь с именем гениального сына украинского народа — Шевченко, с выдающимися писателями — Кобилянским, Лесей Украинкой. (Аплодисменты).

Ленин в свое время писал:

«Запрещение чествования Шевченко было такой прехорошстой, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы и миллионы «бодобителей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждались в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов» (Ленин, том XVII, стр. 324).

В октябре 1917 года, под руководством героической партии Ленина — Сталина, была уничтожена тюрьма народов, была свергнута власть буржуазии. Украинский народ при помощи великого русского народа освободился от кабалы помещиков и капиталистов, разгромил контрреволюционное нашествие Петлюры, Деникина, польско-немецких интервентов.

30 июля 1918 года Владимир Ильич, как председатель Совнаркома, подписывал декрет об установлении в Москве и других городах памятников наиболее выдающимся деятелям прошлого. Наряду с именами лучших деятелей, революционеров, писателей, философов стояло имя Т. Г. Шевченко. В Петербурге в торжественной обстановке был открыт памятник поэту-патристу гению украинского народа.

В послеоктябрьское время украинские буржуазные националисты, маскируясь, пытались в своих писаниях показать, что Шевченко был националистом. Они пытались доказать, что украинской классической литературе свойственны национализм, как нетто для нее органические. Полные претерпев, работавшие по заданиям польской, немецкой и японской фашистских разведок, были разоблачены и беспощадно разгромлены советским народом, руководителями партии Ленина — Сталина.

Имя Тараса Шевченко было, есть и будет дорогим всем народам Советского Союза. (Бурные аплодисменты).

Такой гигантский размах в подготовке к 125-летию юбилею Шевченко возможен только в стране Советов. Все сочинения Шевченко вышли теперь в огромных тиражах на Украине, а также на языках братских народов.

Лучшие советские русские поэты перевели все поэтическое наследие Шевченко на свой родной язык. Лучшие белорусские поэты, грузинские, казахские, армянские и другие перевели пламенные строки «Кобзаря» на языки братских народов. Произведения Шевченко изданы сейчас во всех одиннадцати союзных республиках.

6 марта 1939 года в Киеве открыт памятник поэту. Монумент, воздвигнутый правительством Советской Украины, всем советским народом в нашу радостную сталинскую эпоху, будет стоять века, как памятник великого уважения и любви трудящихся к народному кобзарю.

Свободный украинский народ исполнил глубоким чувством любви, уважения и сердечной близости партия большевиков, великому гению революции, вождю и учителю — Иосифу Виссарионовичу Сталину за счастливую, радостную жизнь, за будущий расцвет украинской советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. (Бурные аплодисменты).

Народ бессмертен, — сказал товарищ Сталин.

Ветная же слава поэта, вышедшему из парадка, отдавшему всю свою жизнь, весь свой талант на службу трудовому народу! Слава тем, кто помогал поэту при жизни в его тяжелой, неравной борьбе!

Слава великой партии Ленина — Сталина, полившая свой пламенный голос в защиту поэта от парижких сатрапов и возвратившей украинскому народу его верного сына в октябре 1917 года, свергнув власть буржуазии! (Аплодисменты).

В эту торжественную минуту украинский народ вместе с представителями братских республик, празднуя 125-летний юбилей великого украинского поэта, революционера-демократа Т. Г. Шевченко, шлет лучшему другу украинского народа, вождю и учителю всех трудящихся — Иосифу Виссарионовичу Сталину пламенный привет и благодарность за счастливую жизнь, за будущий расцвет культуры народов нашей родины. (Бурные аплодисменты).

РЕЧЬ тов. М. БАЖАНА

Народ бессмертен, — сказал великий Сталин. И народ несет в бессмертие имя поэта, который каждым ударом своего могучего сердца, каждым порывом души, каждым пламенным словом своим отражал глубочайшие стремления и думы народные. Как образ этого бессмертия — во веки веков — высятся перед нами на широкой, чистой, волевой земле Советской Украины, на священной земле древнего Киева величественный монумент гениального народному поэту, революционеру-демократу Тарасу Шевченко.

Партия, народ, правительство чествуют память того, кто в тяжелые, кровавые времена прошлого жил и пылал чувством единства своего с бессмертным народом, со всем необъятным своим отечеством.

Родина освободилась, разорвала древние цепи. Раскидали родные прекрасные поля, стерты в пыль идолы царей и палачей. Гордо возносится ввысь памятник верным сынам отчизны, всю свою жизнь отдавшим борьбе за то, чтобы «буй і син, буда і мати, були і люди на землі».

Первые свободные люди на земле — граждане прекрасной страны социализма, озаренной солнцем ленинско-сталинской мудрости, — славною на всех языках своей родины ее великие дела, ее великих сынов. И среди этих сынов — певцов народной души, — народы с именами светлого Пушкина и солнечного Руставели, сияет имя Шевченко; под радостным небом свободной страны возвысился его величественный монумент.

РЕЧЬ тов. П. ТЫЧИНЫ

Товарищи! Празднуем торжество. Памятник Шевченко открываем, — памятник, являющийся выражением всенародной любви к Тарасу. Счастлив народ, породивший такого великого сына, познавший за него гордость и радость. Эту радость видим мы сегодня здесь, и эту гордость чувствует вся страна — двойную гордость: за поэта и за славную победу советской власти.

Верный сын украинского народа, великий поэт, революционер-демократ Тарас Григорьевич Шевченко всю свою жизнь отдал борьбе с самодержавием: за счастье людей, за освобождение людей, за свободу. Самодержавие жестоко отомстило ему: и живому — сослав его на десять лет в пустыню, и мертвому — запретив распространять произведения поэта, не допустив увековечения образа Шевченко в монументах.

И только благодаря Великой пролетарской революции слово Шевченко получило возможность звучать перед всем народом широко и свободно, очистилось от извращений, от националистических искажений. И образ поэта — в камне и бронзе во веки веков нерушимо на пьедесталах встал: в городах, в селах, на заводах.

Радуйся, красивый Киев! Сегодня в самом твоём сердце, в центре города старинного, вознесся грандиозный монумент величайшему патриоту родины — Тарасу Шевченко. И то, что он вознесся, говорит еще раз о могуществе нашего и необходимости, говорит о глубоком почитании и изучении прекрасного наследия прошлого. Об этом заботится коммунистическая партия, заботится вождь ее, вождь всех народов — Иосиф Виссарионович Сталин.

Как прекрасна эта идея — поставить памятник поэту именно здесь, в саду! Вот перед нами университет, в котором когда-то из-за жандармской опеки беспартийная так и не пришлось Шевченко учить рисованию молодое поколение. Теперь в этом нашем советском университете Шевченко — желанный учитель. И молодое советское поколение вкусы свои воспитывает на произведениях поэта, учится любить свою родину и ненавидеть врагов.

Вот против университета — картины галереи. Когда-то Шевченко, как художник, мечтал показать в своих картинах «живописную Украину». О, как бы радовался он теперь, когда взглянул бы на нашу прекрасную Украину, отраженную в образах советских художников!

Вот справа от памятника Шевченко Наркомпрос. Когда-то Шевченко положил много сил, чтобы издать бугварь для народа. О, Тарас! У нас теперь, на свободной, обновленной земле, для одной только Украины на этот учебный год нужно было дать 60 млн. учебников, — шестьдесят миллионов!

И, наконец, слева от памятника Шевченко улица Максима Горького — величайшего нашего пролетарского писателя, который особенно любил гения украинской земли и в своих известных лекциях на Капри сказал, что «Шевченко — первый воистину народный поэт».

Слушай же, наш первый и воистину народный поэт! Твое революционное, твоё пророческое слово о семье великой, семье

Никогда к этому монументу не прикоснется грязная вражеская рука. В мудрые очи поэта никогда не заглянут хищные глаза врагов. Украинский бандит-националист — полный торговец кровью и свободой народной, немецкий варвар и польский грабитель-пан никогда не ступит своим грязным сапогом на землю, где возвысился этот бронзовый памятник, где слово Шевченко было, есть и будет разливом мечом против всех врагов и угнетателей народа.

В тесном братском единении великого русского и украинского народов рос и мужал гений Шевченко. В тесном братском единении русского и украинского народов развивались и крепились те силы, которые под знаменем Ленина — Сталина принесли нам волю, счастье, радость, расцвет.

В вечном братском единении, руководимые партией большевиков, идут наши народы к новым победам. Могучее слово о них прозвучит на весь мир с высокой трибуны Кремлевского дворца — с трибуны съезда партии.

Слава великому поэту, который жил и творил для народа!

Слава великой партии, которая ведет наши народы от победы к победе!

Слава великому Сталину — образу наших побед, знамени нашей славы, солнцу нашего расцвета, нашему отцу и вождю! (Аплодисменты, оркестр исполняет «Интернационал»).

вольной и новой — сбылось. Вот она, семья эта, сегодня встречающая тебя. Действительно великая и действительно новая. Сталинской дружбой народов обозначена, славой успехов повита. И тебя в своих песнях славят и русский поэт, и казахский, и белорусский, и еврейский, и молдавский, и грузинский. Каждый считает тебя близким, и каждый считает тебя родным. И в перелетке колхозов грузинских с украинскими ты, точно так же, рядом с Пушкиным и Руставели, звучишь, как родной, как близкий, одинаково понятный всем.

Слушай же, наш первый и воистину народный поэт! Ты открыл нам долю Катерины, ты верил, что женщина будет раскрепощена, что женщина добьется прав человека, законов. Вот она пришла с веками, с веками, с веками, — наша женщина на праздник к тебе, — наша женщина новая, советская. Вот дальние ственники твои Катерины, но узнаешь ли ты их? Твои Катерины давно уже на тракторы охотно пересели, твои Катерины давно уже на самолетах в небо летят, работают в академиях, на ответственных постах в наркоматах.

Слушай же, любимый поэт! Ты мечтал когда-то о матери молодой со своим ребенком маленьким. Ты любил детей и никогда не забывал о них. Ты, даже пребывая в далекой неволе — в Кос-Арале, все время душой тосковал по детям: «может быть, и меня ненароком детишка вспоминает».

О, Тарас! Эта твоя мечта о расе земном, в котором счастливы были бы дети, осуществилась.

Солнце Сталинской Конституции щедро проливает свои лучи теплые на материнство и детей. Вот они — матери и дети. Они сегодня также пришли к тебе. Они высокую честь тебе, Тарас, вместе с другими приносят: за слово твоё сказовое, за слово прозрачное, пророческое.

А в то же время в фашистских странах неслыханно жестокая расправа вершится над мирным населением и над женщинами и детьми. В странах фашизма ценности уничтожают и все культурные сокровища бесчестят, все наследие народное выбрасывают вон.

Эвреи, вапалы, ублюдки — они ралы были бы нас как-нибудь, хоть невозможно угукнуть. Но славная и необходимая Красная Армия наша крепко оберегает границы единственной в мире прекрасной, многонациональной родины. Пусть слышат враги, что мы железные! — раздвини, задуши того, кто посягает на нас.

Памятник Тарасу Шевченко, который мы открываем сегодня в столице Советской Украины, в Киеве, — это громадное доказательство нашего несокрушимого могущества, его громадное доказательство нашего всемирного звучания, нашего веса во всем мире.

Так мы завоевали счастье для людей, мы установили сталинскую дружбу народов, мы — сильны! — ибо мы бережем и чтим свое прекрасное наследие, о котором заботится коммунистическая партия и вождь ее, вождь всех народов — Иосиф Виссарионович Сталин! (Бурные аплодисменты, Оркестр играет «Интернационал»).

ШЕВЧЕНКОВСКИЕ ТОРЖЕСТВА В РЕСПУБЛИКАХ

В ГРУЗИИ

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). Госиздат Грузии в связи с 125-летием со дня рождения Т. Шевченко издал «Кобзарь» на грузинском языке под редакцией Ш. Радзиского и С. Чикова. В книге помещены поэмы: «Катерины» (перевод С. Чикова), «Гайдамаки» (пер. К. Налдрадзе), «Сон» (пер. Д. Гачаидзе), «Кавказ» (пер. К. Лордкипанидзе) и 150 народных стихотворений в переводе: В. Галпашвили, С. Чикова, М. Патаридзе, И. Абашидзе, И. Аб



В Государственной Третьяковской галерее на днях открывается «Всесоюзная выставка молодых художников». На снимке: картина художника Б. А. Кольчугина «Художники обедают в поле».

Художник и человек наших дней

На основе победоносного выполнения второго пятилетнего плана и достигнутых успехов социализма, СССР вступил в третью пятилетку в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, когда решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — строителей коммунизма.

Этот тезис провозгласил товарищ В. М. Молотов на XVIII съезде в классической выразительностью и глубиной характеризует основное содержание эпохи, ее «дух» и философию и намечает генеральную линию развития коммунистического сознания. Под этим знаком, под этим знаменем человечество шестой части мира идет в своем счастье. Наше сознание понимает все выше и выше. Творец нового, коммунистического общества, наш народ проложил твердый путь в великое царство свобод.

«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, — учат нас Маркс и Энгельс, — не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое устраняет теперешнее состояние».

Наш советский человек превращает идеал в действие, в поведение и ставит этот идеал как практическое дело настоящего дня. Он не унывает самому себе, хотя и достоин высшего удивления. Он создает удивительные чудеса во всех областях труда, но считает, что это — повседневная его работа. Он самое великое чудо — наука и искусство, которые он поднимает на высшую ступень, это — система его мысли и деяний.

Движение нашей жизни мучитель, ритмы ее строгий: наши тоны — это эпохи. Совершается борьба не только за утверждение новых отношений и новых творческих завоеваний, но и борьба с приверженцами и предубеждениями прошлого, с болезнями и рудиментами вчерашнего дня. Нерешенная задача — это наиболее сложная, трудная, мучительная борьба.

Писатель наших дней — это писатель-революционер, писатель-боец, писатель-исследователь. Он не только наблюдатель, но и деятель. Чтобы понять все процессы жизни, чтобы быть в сердце действительности, надо самому быть в рядах действующих масс и непременно в авангарде коллектива. Надо с первых же часов мобилизации участвовать во всех боевых операциях и уйти последним в свою мастерскую, чтобы создать поэму пережитой борьбы.

Родилась новая женщина — боевой товарищ рабочего и колхозника. Создалась целая армия воюющей, героической молодежи. Это — люди, которые дали многогранную, подлинно нашу интеллигентность, с новыми трудовыми навыками, с коммунистической целеустремленностью, с ленинской-сталинской закалкой. Эта наша интеллигентность — уже великая сила. Проведите историю заводов и колхозов, и вы увидите, что они ведутся и управляются преимущественно нашей молодежью.

Мы крепко закладываем основы коммунистического мира. Но мы не только каменщики. Мы — творцы коммунистического общества. Мы уже сейчас разрешаем все проблемы, поставленные перед нами будущим. У нас нет уже эксплуатации человека человеком, но мы живем в величайшей борьбе с окружением вражеских сил: тут не только капиталистический мир с его страшными орудиями разрушения, но и враг внутренний, и собственнические пережитки в быту и в сознании людей.

Писатель современности всеми путями связан с животрепещущими вопросами нашего дня. Он призван быть летописцем настоящего. Он — певец и пламенный реалист-мечтатель, непрерывно, расчетливо, планомерно воплощающий мечту в действительность. Он создает новый, невиданный ритм жизни — ритм труда (будь это пех, шахта, научно-исследовательская лаборатория), ритм мысли, ритм времени. Это — высший род наслаждения, но ритм — это цель, воплощенная в действие, в динамику плана. Сколько новых проблем, мыслей, чувств зарождается с каждым новым шагом, с каждым новым вздохом, с каждым новым ударом сердца!

Большой и сложный проблемой стоит перед художником человек наших дней. Нужно гениальное проникновение, чтобы увидеть, уловить, понять, поднять его и воплотить в «вечный» образ — в тип эпохи, как это могли делать огромные поэты прошлого.

Наша советская литература создала много незабываемых характеров, ярких картин героической борьбы за власть Советов, за социалистическую промышленность и колхозную деревню. Новый пейзаж расцветает на страницах книг, невиданный раньше никогда. Новые поэма и песни волнуют миллионы. Наше искусство зреет, и сила его становится все более могучей и неотразимой.

Мы создаем великий план, мы упорно и организованно ведем борьбу с природой, преобразяем ее, овладевая ею на благо трудящихся.

Ф. ГЛАДКОВ

Сила: тут не только капиталистический мир с его страшными орудиями разрушения, но и враг внутренний, и собственнические пережитки в быту и в сознании людей. Писатель современности всеми путями связан с животрепещущими вопросами нашего дня. Он призван быть летописцем настоящего. Он — певец и пламенный реалист-мечтатель, непрерывно, расчетливо, планомерно воплощающий мечту в действительность. Он создает новый, невиданный ритм жизни — ритм труда (будь это пех, шахта, научно-исследовательская лаборатория), ритм мысли, ритм времени. Это — высший род наслаждения, но ритм — это цель, воплощенная в действие, в динамику плана. Сколько новых проблем, мыслей, чувств зарождается с каждым новым шагом, с каждым новым вздохом, с каждым новым ударом сердца!

Большой и сложный проблемой стоит перед художником человек наших дней. Нужно гениальное проникновение, чтобы увидеть, уловить, понять, поднять его и воплотить в «вечный» образ — в тип эпохи, как это могли делать огромные поэты прошлого.

Наша советская литература создала много незабываемых характеров, ярких картин героической борьбы за власть Советов, за социалистическую промышленность и колхозную деревню. Новый пейзаж расцветает на страницах книг, невиданный раньше никогда. Новые поэма и песни волнуют миллионы. Наше искусство зреет, и сила его становится все более могучей и неотразимой.

Мы создаем великий план, мы упорно и организованно ведем борьбу с природой, преобразяем ее, овладевая ею на благо трудящихся.

Писатель наших дней — это писатель-революционер, писатель-боец, писатель-исследователь. Он не только наблюдатель, но и деятель. Чтобы понять все процессы жизни, чтобы быть в сердце действительности, надо самому быть в рядах действующих масс и непременно в авангарде коллектива. Надо с первых же часов мобилизации участвовать во всех боевых операциях и уйти последним в свою мастерскую, чтобы создать поэму пережитой борьбы.

Родилась новая женщина — боевой товарищ рабочего и колхозника. Создалась целая армия воюющей, героической молодежи. Это — люди, которые дали многогранную, подлинно нашу интеллигентность, с новыми трудовыми навыками, с коммунистической целеустремленностью, с ленинской-сталинской закалкой. Эта наша интеллигентность — уже великая сила. Проведите историю заводов и колхозов, и вы увидите, что они ведутся и управляются преимущественно нашей молодежью.

Мы крепко закладываем основы коммунистического мира. Но мы не только каменщики. Мы — творцы коммунистического общества. Мы уже сейчас разрешаем все проблемы, поставленные перед нами будущим. У нас нет уже эксплуатации человека человеком, но мы живем в величайшей борьбе с окружением вражеских сил: тут не только капиталистический мир с его страшными орудиями разрушения, но и враг внутренний, и собственнические пережитки в быту и в сознании людей.

Писатель современности всеми путями связан с животрепещущими вопросами нашего дня. Он призван быть летописцем настоящего. Он — певец и пламенный реалист-мечтатель, непрерывно, расчетливо, планомерно воплощающий мечту в действительность. Он создает новый, невиданный ритм жизни — ритм труда (будь это пех, шахта, научно-исследовательская лаборатория), ритм мысли, ритм времени. Это — высший род наслаждения, но ритм — это цель, воплощенная в действие, в динамику плана. Сколько новых проблем, мыслей, чувств зарождается с каждым новым шагом, с каждым новым вздохом, с каждым новым ударом сердца!

Большой и сложный проблемой стоит перед художником человек наших дней. Нужно гениальное проникновение, чтобы увидеть, уловить, понять, поднять его и воплотить в «вечный» образ — в тип эпохи, как это могли делать огромные поэты прошлого.

Наша советская литература создала много незабываемых характеров, ярких картин героической борьбы за власть Советов, за социалистическую промышленность и колхозную деревню. Новый пейзаж расцветает на страницах книг, невиданный раньше никогда. Новые поэма и песни волнуют миллионы. Наше искусство зреет, и сила его становится все более могучей и неотразимой.

Мы создаем великий план, мы упорно и организованно ведем борьбу с природой, преобразяем ее, овладевая ею на благо трудящихся.

Только у нас возможно появление ударничества и соревнования как энтузиазма и планомерной борьбы за хозяйственную и культурную мощь своей страны.

И тут невольно выдвигается на первый план проблема личности. Впервые эта проблема была поставлена по-настоящему нашей литературой. Но разрешить ее во всей полноте пока еще не удалось. Не потому ли проблема так называемого «политического» героя, «ведущего характера» остается популярной в порядке дня? Много громких фраз говорится об этом «ведущем герое», но слова так и остались словами. А человек наших дней, полный ярчайших проявлений, выходит твердыми шагами навстречу художнику. Вопрос только в том, чтобы изучить этого человека, проникновенно видеть его как полноценную личность, как типический образ, как героя нашего времени. Нет, не описывать его, не фотографировать, а создать цельный характер как живую индивидуальность с наиболее яркими, эпохальными особенностями его существа.

В чем же особенности этого «ведущего героя»? Основная его черта — это напряженная творческая энергия. При огромной любви к жизни он знает свои силы и умеет эти силы преобразить в дело. Он знает себе цену, и его личное достоинство определяется критическим его отношением к вещам, к людям, к самому себе. Он вращается и воспитан космополитом, партией и своим классом. Его поведение — простота, скромность и гордость, чуждая самообольщения и самолюбования. Его болевые дела, его героизм, его творческие искания, борьба и победы — это его ежедневный планомерный труд и поведение. Его личные цели — это цели коллектива и общественной пользы. Его радости от собственных свершений и муча от поражения сливаются с чувствами коллектива.

Отношение и труда и к товарищам — это у него отношение и к себе.

Он никогда не стоит на месте; для него жизнь — это преодоление, для него наслаждение — в бою. То, что мешает ему двигаться вперед и создавать новое, это — препятствие, которое нужно обязательно преодолеть. Он хорошо, основательно знает производственные силы и своего участка, и всей страны, понимает политический смысл эпохи и умеет определить слабые места на фронте борьбы за великий план. Рутинная и пережитки, как отложения пройденных этапов, для него так же чужды, как вражеские форпосты, которые нужно взорвать до основания. Уметь радоваться творческой радости, испытывать счастье от постоянного самосовершенствования, возвышаться и вдохновляться новыми идеями и постоянно быть готовым к новым порывам в будущее и к ударам по омертвлению, это — не просто участие и склонность к азарту, а омысленные, продуманные в содружестве и соответствии план и тактика действий, неустанный движением вперед и выны.

Вот отсюда и большевикское благородство, и высокое уважение, и доверие друг к другу. Эта личность, сильная и молодая, живет и крепнет в бою; и в цехах, и в колхозах, и в научных лабораториях, и в шахтах, и на железных дорогах.

Надо чутко и проникновенно жить, надо учиться быть передовыми людьми своей эпохи, своего общества, надо по-стахановски ковать в себе социалистическую личность и твердо знать свою дорогу в будущее, чтобы предвидеть и создавать образы, которые бы знали и понимали миллионы людей, строили новую культуру, новую систему жизни.

Вот то действительное движение — художественной литературы, которое должно совершаться в третьем пятилетии.

Вот отсюда и большевикское благородство, и высокое уважение, и доверие друг к другу. Эта личность, сильная и молодая, живет и крепнет в бою; и в цехах, и в колхозах, и в научных лабораториях, и в шахтах, и на железных дорогах.

Надо чутко и проникновенно жить, надо учиться быть передовыми людьми своей эпохи, своего общества, надо по-стахановски ковать в себе социалистическую личность и твердо знать свою дорогу в будущее, чтобы предвидеть и создавать образы, которые бы знали и понимали миллионы людей, строили новую культуру, новую систему жизни.

Вот то действительное движение — художественной литературы, которое должно совершаться в третьем пятилетии.

Вот отсюда и большевикское благородство, и высокое уважение, и доверие друг к другу. Эта личность, сильная и молодая, живет и крепнет в бою; и в цехах, и в колхозах, и в научных лабораториях, и в шахтах, и на железных дорогах.

Надо чутко и проникновенно жить, надо учиться быть передовыми людьми своей эпохи, своего общества, надо по-стахановски ковать в себе социалистическую личность и твердо знать свою дорогу в будущее, чтобы предвидеть и создавать образы, которые бы знали и понимали миллионы людей, строили новую культуру, новую систему жизни.

Степан Кольчугин

В. ГРОССМАН

Отрывок из третьей книги

— Продолжительный сильный звонок послышался на передней. Он ослабевал, усиливался, вновь ослабевал — звонкий, очевидно, то нажимал до отказа, то отпущал кнопку.

— От большого, наверное, — сердито сказал доктор, идя к двери.

— Нет, — вдруг сказала Мария Дмитриевна, — это за Абрамом, я чувствую! Звонок оборвался. Мгновенье они стояли неподвижно. Казалось, все снова стало тихо, спокойно, мирно: стоишь, погасший самовар, темная винная бутылка, блидо с пирогами, салат, конфеты, хрустальная сахарница, стулья, ковры, картины на стене. И в то же время эта кипучая обстановка и мгновенная тишина были полны и страшились, как страшны в пылающем доме сонный покой не тронутый еще огнем комнаты, как нелепый чинный порядок на столах, когда вихрь, распахнув окно, краткий миг колеблется, прежде чем вернуться в дом. Когда вновь раздался звон, они точно почувствовали: облегчение, переключились, и доктор спросил у Бахмутского:

— Как же быть, открывать?

— Спросите — кто, если скажут — от большого, — сперва откажете открыть, если полиция — скажите, что раньше должны одеться.

Он быстро прошел в комнату и вернулся с чемоданчиком в пальто и в шапку. Доктор уже стоял у столовой и, указав рукой в сторону входной двери, живую головой.

— Сперва соварили, что от большого, — сказал он, — а когда сказал, что ночью не езжу к больным, какой-то тип крикнул: откройте, полиция! Я им заявил, что должен одеться.

Он пытался говорить тихо, но от непривычки и волнения большого голоса его высказывал из шпота, гудел во всю силу и наверное был слышен в передней, за дверью.

Снова зазвонил звонок.

— Оставайтесь, пожалуйста, куда вы пойдете ночью, большой Я за вас отвечаю — впереди сердито крикнул Петр Михайлович, одевшись, хлопнул как колотил, мысленно, как колотил, непристойности все беспорядочной и тревожной овладевали им.

А Мария Дмитриевна прислонилась к стене и пристально смотрела на Бахмутского. Он стоял перед ней в неизвестном пальто, в нахлобученной на лоб шапке, с воротом, наполовину приподнятым вокруг шеи, с немного прищуренными глазами. Он показывал, что она проникла во все его мысли: мелькнули перед ним черные шпигель городских, окоченело и решеткой, белая пелена туманных сибирских снегов, тяжелая северная ночь. Он показывал, что он должен выкинуть от ужаса, победить, — он так недавно перенес после долгой мучительной ссылки, — он был, — ведь он был оповест, — скучное лицо его не изменило своего обычного выражения, оно было усталым, обычным. Таким он вошел впервые, таким она видела его идущим по улице, таким он пришел час тому назад и таким он стоял перед ней сейчас, уходя. Этот вихрь, мрак оторвавшейся бездны, потянувший ее и Петра Михайловича, был для него обычной жизнью. Он сохранял свои обычные мысли, насмешливости, интерес к книгам (он старательно прятал в карман пальто томы какой-то немецкой философской книжки, которую вчера положил в столовой на овалом столе). И на мгновение чувство какого-то мистического восторга охватило Марию Дмитриевну.

— Скажите, — сказала она, — вы в какой-то из ваших рыцарей, думаю, она, — ей хотелось встать на колени перед этим человеком. Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Кажется, в «Сорочинской ярмарке» то в окно вылезает, — вот в такой одежде, рыцарь, рыцарь, рыцарь, — она, — ей хотелось встать на колени перед этим человеком. Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

— Продолжительный сильный звонок послышался на передней. Он ослабевал, усиливался, вновь ослабевал — звонкий, очевидно, то нажимал до отказа, то отпущал кнопку.

— От большого, наверное, — сердито сказал доктор, идя к двери.

— Нет, — вдруг сказала Мария Дмитриевна, — это за Абрамом, я чувствую! Звонок оборвался. Мгновенье они стояли неподвижно. Казалось, все снова стало тихо, спокойно, мирно: стоишь, погасший самовар, темная винная бутылка, блидо с пирогами, салат, конфеты, хрустальная сахарница, стулья, ковры, картины на стене. И в то же время эта кипучая обстановка и мгновенная тишина были полны и страшились, как страшны в пылающем доме сонный покой не тронутый еще огнем комнаты, как нелепый чинный порядок на столах, когда вихрь, распахнув окно, краткий миг колеблется, прежде чем вернуться в дом. Когда вновь раздался звон, они точно почувствовали: облегчение, переключились, и доктор спросил у Бахмутского:

— Как же быть, открывать?

— Спросите — кто, если скажут — от большого, — сперва откажете открыть, если полиция — скажите, что раньше должны одеться.

Он быстро прошел в комнату и вернулся с чемоданчиком в пальто и в шапку. Доктор уже стоял у столовой и, указав рукой в сторону входной двери, живую головой.

— Сперва соварили, что от большого, — сказал он, — а когда сказал, что ночью не езжу к больным, какой-то тип крикнул: откройте, полиция! Я им заявил, что должен одеться.

Он пытался говорить тихо, но от непривычки и волнения большого голоса его высказывал из шпота, гудел во всю силу и наверное был слышен в передней, за дверью.

Снова зазвонил звонок.

— Оставайтесь, пожалуйста, куда вы пойдете ночью, большой Я за вас отвечаю — впереди сердито крикнул Петр Михайлович, одевшись, хлопнул как колотил, мысленно, как колотил, непристойности все беспорядочной и тревожной овладевали им.

А Мария Дмитриевна прислонилась к стене и пристально смотрела на Бахмутского. Он стоял перед ней в неизвестном пальто, в нахлобученной на лоб шапке, с воротом, наполовину приподнятым вокруг шеи, с немного прищуренными глазами. Он показывал, что она проникла во все его мысли: мелькнули перед ним черные шпигель городских, окоченело и решеткой, белая пелена туманных сибирских снегов, тяжелая северная ночь. Он показывал, что он должен выкинуть от ужаса, победить, — он так недавно перенес после долгой мучительной ссылки, — он был, — ведь он был оповест, — скучное лицо его не изменило своего обычного выражения, оно было усталым, обычным. Таким он вошел впервые, таким она видела его идущим по улице, таким он пришел час тому назад и таким он стоял перед ней сейчас, уходя. Этот вихрь, мрак оторвавшейся бездны, потянувший ее и Петра Михайловича, был для него обычной жизнью. Он сохранял свои обычные мысли, насмешливости, интерес к книгам (он старательно прятал в карман пальто томы какой-то немецкой философской книжки, которую вчера положил в столовой на овалом столе). И на мгновение чувство какого-то мистического восторга охватило Марию Дмитриевну.

— Скажите, — сказала она, — вы в какой-то из ваших рыцарей, думаю, она, — ей хотелось встать на колени перед этим человеком. Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он сказал:

— Сейчас иду, что вы, с ума сошли или пьяны? — грозно закричал Петр Михайлович в сторону передней. Он оная ладил, кинул его на диван и пошел к двери, на пути растащивая одной рукой пуговицы жилетки, а другой растащивая узел галстука и срывая воротничок.

Она видела его, трудное назначение в жизни — идти будить, вести других, бороться, забывать о себе, не успеваясь до последнего дня своей трудовой жизни. «Рыцарь, рыцарь, рыцарь на всю жизнь, нигде, никогда он не устанет, не уопокится, спорщик, проповедник, с вечной философской книгой». Но она, конечно, не стала на колени, зная, что это внешне смешно, неважно, безвкусно, а только молча показала протянутую руку Бахмутскому и улыбнулась, кривая дрожжа губ, когда он

